

возможность учредить епархіальную Похоронную Кассу? Для этого слѣдуетъ только обратиться духовенству съ просьбою къ нашему Архипастырю, Высокопреосвященному Владиміру придти къ намъ на помощь и при посредствѣ съѣзда или другимъ путемъ сплотить насъ во едино.

При этомъ желательно, чтобы или епархіальная касса была безъ разрядовъ, или, въ крайнемъ случаѣ, предоставлено было право діаконамъ и псаломщикамъ выбрать себѣ тотъ или иной разрядъ взносовъ.

Нельзя игнорировать и вопросъ, возбужденный псаломщикомъ Петромъ Черкесовымъ объ учрежденіи Кассы взаимопомощи, памятуя, что не у всѣхъ насъ есть грошъ „про черный день“, и что матеріальная помощь при критическихъ обстоятельствахъ жизни многимъ изъ насъ весьма необходима.

*Усть-Медвѣдицкой тюремной церкви священникъ
Александръ Пономаревъ.*

Что выше?

(Разсказъ изъ жизни священника).

*„Я емь пастырь добрый: пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ“
(Іоан. 10, 11).*

I.

Полночь.... На дворѣ буря и страшный морозъ.... На селѣ М..... все уже спитъ. Только въ домѣ мѣстнаго священника о. Іоанна Епифанова чуть свѣтитя огонекъ севозь ставню окна. Не спитъ о. Іоаннъ, да и трудно заснуть въ эту минуту, когда въ другой, смежной съ его кабинетомъ, маленькой, низенькой комнатѣ раздаются жалобные стоны больной матушки. Бѣдняжка вся истомилась, уже часовъ 10-ть мучась отъ родовъ, а о ме-

дицинской помощи и думать нечего: ближайшее мѣсто, гдѣ живеть фельдшеръ и акушерка,—версть за 60.

„Спасите!... мамочка дорогая... помогите... Умираю!“.. раздался душу раздирающій голосъ матушки.

„Охъ, Господи!“—закинувъ руки на голову, кричала бѣдняжка,—„Царица Небесная, спаси!“...

А на дворѣ буря, какъ бы отвѣчая на стоны матушки, рветъ и мечетъ все и, забравшись подъ ставню, между щелей ея, стучить или жалобно завываетъ и тѣмъ еще болѣе усиливаетъ тоску души нравственно изстрадавшагося о. Іоанна, стоящаго въ это время у святого угла предъ распятіемъ Спасителя міра. Услышавъ голосъ дорогого существа, такъ жестоко мучащагося, онъ палъ на колѣна предъ святою иконою. Сердце его, кажется, перестало биться и онъ всею своею душею отдался всеукрѣпляющей молитвѣ.

„Господи!“—шептали его запекшіяся отъ сильныхъ душевныхъ потрясеній уста,—„Господи спаси!... Ты вѣдь страдалъ... Ты знаешь тяжесть страданій... Объ одномъ прошу... спаси!“..

—„Охъ!... Охъ, Господи!... Нѣтъ больше силъ“...—едва переводя дыханіе, кричитъ больная.—„Ваня!... Ваня, дорогой! Спаси, спаси ты“... и голосъ матушки оборвался и она впала въ забытье.

Вбѣжалъ о. Іоаннъ.

„Дорогая! Я безпомощенъ, я безсиленъ помочь тебѣ,“—дрожащимъ голосомъ стонетъ надъ больной о. Іоаннъ: „Ну, что я могу сдѣлать... я...“ Колѣна его подогнулись и онъ упалъ около кровати больной.

II.

Морозъ на дворѣ крѣпчалъ и при бурѣ доходилъ чуть ли не до 25°—30°. Въ такой морозъ, какъ говорятъ, добрый хозяинъ и собаки не выгонить со двора, пожалѣеть. Но не удержали дома, въ теплой избѣ, ни сильный морозъ, ни страшная буря, ни позднее время крестьянина изъ сосѣдняго села, отстоящаго въ верстахъ восьми отъ М.....,—прихожанина о. Іоанна; не ѣхалъ онъ бѣдный, а летѣлъ къ своему духовному отцу. Мо-

розъ рѣзалъ ему лицо, пальцы у него, кажется, отваливаливались отъ рукъ, а онъ гналъ и гналъ лошадей. Лошади, какъ бы предчувствуя, что имъ нужно спѣшить, бѣжали быстро... Но мысли хозяина неслись еще быстрѣй:

„Успѣю ли?!... Господи... А ну-ка, да“... онъ широко въ темнотѣ раскрылъ глаза, — „она умр.“... Боясь и въ мысли допустить грустную думу, онъ съ большею силою погналъ лошадей.

„Впередъ, впередъ, дорогія!“... не говорилъ, а уже кричалъ Филатовичъ. — „Впередъ!... Она одна теперь... можетъ быть зоветь меня... Оеклуша!“ — продолжалъ уже самъ съ собою разговаривать Филатовичъ, — „милая моя, вѣдь ты не умр.... Вотъ я привезу батюшку и онъ причаститъ тебя Святыхъ Христовыхъ Таинъ и Господь, Николай Чудотворецъ спасутъ тебя“.

Вотъ уже Филатовичъ завидѣлъ церковь.

„Слава Богу, скоро!... Ну, родимыя, помогите“... чуть слышно уже шепталъ, разговаривая, какъ съ человѣкомъ, съ лошадьми, окоченѣвшій отъ холода Филатовичъ.

Замелькалъ рядъ избъ. Вотъ и домъ батюшки. Быстро выскочилъ изъ саней Филатовичъ и побѣжалъ къ двери. Руки у него опѣмѣли, голосъ прервался, насилу собрался онъ съ духомъ и началъ ударять въ дверь.

III.

Нѣсколько секундъ пролежалъ о. Иоаннъ около кровати больной. Стукъ въ дверь вывелъ о. Иоанна изъ забытья. Поднявшись и взглянувъ на исхудалое и крайне блѣдное, но столь дорогое для него лицо, онъ заплакалъ и вышелъ въ столовую, гдѣ мать его потихоньку сказала ему, что его на кухнѣ ожидаетъ человекъ.

„Господи, неужели возьмутъ!“... быстрѣе молніи пронеслось въ головѣ о. Иоанна, и сердце сильно и быстро застучало, предчувствуя новое горе.

Страхнувъ съ глазъ слезы и скрѣпивъ свое сердце о. Иоаннъ вышелъ въ кухню. Увидѣвъ блѣднаго Филатовича, одного изъ лучшихъ своихъ прихожанъ, тихо спросилъ:

„Филатовичъ! что съ тобою?..“

— „Батюшка!—едва переводя духъ началъ Филатовичъ,—умираетъ моя“....

„Да, кто, Филатовичъ!?“

— „Оеклуша дорогая“.... и не договоривъ, Филатовичъ повалился въ ноги къ батюшкѣ, говоря сквозъ слезы:

„Дорогой батюшка, не медли,.. поѣдемъ!..“

А о. Иоаннъ стоялъ, стоялъ, какъ столбъ безъ движенія, кажется, все въ немъ умерло.

„Ради Христа!..—не унимался просить поднявшійся Филатовичъ, которому каждая секунда казалась чуть ли не вѣчностью... Не откажите“...

„Ахъ, ахъ“...—раздался въ эту минуту сквозъ открытую дверь леденящій сердце звукъ.

„Ваня... гдѣ ты?.. Спасите“....

О. Иоаннъ затрясся, глянулъ на Филатовича и, показавъ ему рукой, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ, побѣжалъ, какъ помѣшанный, въ матушкѣ.

„Маня, дорогая моя.... да какъ же я оставлю тебя одну... Могу ли, могу ли?!“.. Но больная уже не слышала мужа: она лишилась чувствъ.

„Филатовичъ!... Мама!... могу ли я бросить ее и идти!?“—о. Иоаннъ бѣгалъ по комнатѣ, держась руками за голову.

„Поймите... Господи!“... тихо уже прошепталъ о. Иоаннъ и слезы ручьемъ полились изъ его глазъ.—„Господи, подкрѣпи! Господи, научи“.... а въ ухахъ его въ это время, какъ громъ, гремѣли слова Христа: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы своя....

„Охъ... умираю“....—снова и еще сильнѣе начала кричать больная.

—„Нѣтъ, нѣтъ не могу... я не въ силахъ Филатовичъ, ты видишь“.

Филатовичъ стоялъ въ дверяхъ и плакалъ, говоря сквозъ слезы:

„Батюшка, не оставь и меня... Богъ подкрѣпитъ и тебя“...

О. Иоаннъ, изнуренный нравственною борьбою, сѣлъ около

больной и выпилъ стаканъ воды. Успокоившись пемного, онъ началъ окликать забывшуюся больную:

„Маня, Маня... меня берутъ причащать,—и, боясь разстроить ее, прибавилъ,—тутъ недалеко“....—и, проговоривъ это, припалъ къ челу жены. Горячія слезы, спустившіяся изъ глазъ его, заставили очнуться на минуту притихнувшую отъ прекратившихся болей матушку. И она тихо подняла свой умоляющій взоръ на мужа.

Иди, иди...—говорили кроткіе глаза страдальцы,—иди, дорогой, успокой другое такое же страдающее существо, а то и напутствуй въ вѣчность!

Благословивъ матушку и горячо поцѣловавъ руку ея, о. Іоаннъ быстро взялъ что нужно и вышелъ съ Филатовичемъ.

IV.

Подъ горку и за вѣтрамъ быстро неслись наши путники, но мысли у нихъ неслись еще быстрѣй. О. Іоаннъ, завернувшись въ шубу, забился въ уголъ саней и только и думалъ, что о своей Манѣ.

Жива ли?!... А можетъ быть уже нѣтъ ея... можетъ быть, уже застыла...

Нѣтъ... Прочь... Господи,—началъ о. Іоаннъ шептать молитву и сильнѣе прижималъ къ груди Святые Дары.

Филатовичъ уже и думалъ вслухъ: „Батюшка, захватимъ ли?!... Я оставилъ ее бѣдненькую въ бреду... она кричала все: горячо, горю... Будеть жить... а?—Батюшка?!“... уже крикнулъ Филатовичъ. Батюшка очнулся отъ думъ своихъ и сталъ успокаивать своего духовнаго сына.

Вотъ засвѣтился огонекъ въ домѣ Филатовича. Приѣхали. Передавъ лошадей работнику, оба путника не вышли, а вылетѣли изъ саней и быстро вошли въ просторную чистую избу.

На кровати въ самой сильной горячкѣ металась молодая здоровая женщина, жена Филатовича, Оеклуша.

„Мамко, горячо... охъ, горить... воды“...—кричала бѣдная.

О. Іоаннъ быстро приготовилъ Св. Дары и, давъ глухую исповѣдь, причастилъ больную. На минуту больная затихла. Не

успѣлъ еще о. Иоаннъ убрать всего, какъ припадки горячки снова начались съ Ѳеклушей и, пока не отъѣхали, она все кричала: „охъ, горячо“....

Быстро гналъ Филатовичъ другихъ лошадей, но не пришлось ему застать свою Ѳеклушу въ живыхъ. Минуть черезъ 20, по отъѣздѣ его изъ дома, она въ жестокихъ мученіяхъ отдала Богу душу.

На порогѣ о. Иоанна поздравили съ дочкою. Не нужно, читатель, говорить о радости о. Иоанна и о благодарныхъ чувствахъ его къ Богу, потому что ихъ я своимъ бѣднымъ словомъ и выразить не могу. Скажу лишь одно: какъ былъ онъ пастырь добрый, такимъ и остался и въ эту трудную для него минуту искуса.

На слѣдующій день о. Иоаннъ хоронилъ Ѳеклушу, не перенесшую страданій, ниспосланныхъ ей отъ Господа.

Священникъ Владиміръ Волагуринъ.

РАСКОЛЪ И СЕКТАНТСТВО.

О ТАИНСТВѢ БРАКА.

(Въ обличеніе мнимодуховныхъ христіанъ).

(Продолженіе).

Хлысты, отвергая церковный бракъ, считая его дѣломъ богопротивнымъ грѣховнымъ, въ то же время имѣють у себя духовныхъ женъ, или духовницъ, которыя получаютъ ими отъ лжехристовъ и лжепророковъ при ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, или корабельныхъ радѣніяхъ; съ этими духовницами они состоятъ въ плотскихъ связяхъ. Эти плотскія связи, по ученію хлыстовъ, уже не составляютъ грѣха: „то духовная любовь, Христова любовь“. Отсюда у хлыстовъ съ заповѣдію о безбрачїи: „не женимые не